

Ольга Богословская +7 (912) 028-34-75

Юлия Тупикина +7 (909) 677-79-74

ЛОШАДКА

Монопьеса

МАРИАННА, 45 лет, заведующая пошивочного цеха.

МАРИАННА. Вы на экскурсию пришли, да? Ну проходите, проходите, проходите. Присаживайтесь здесь. Меня Марианна зовут. Заведующая пошивочного цеха, модельер-закройщик. Всё покажу вам, всё расскажу. Итак, вы в пошивочном цехе, где изготавливают костюмы для спектаклей. Мастерству работниц швейного цеха может позавидовать даже модный дом: с ювелирной точностью выполняется отделка нарядов, с невероятной филигранностью подбираются тона костюмов... Как-то слишком гладко, да? Вам не кажется? Вы простите, это мне текст написали, а я.. я не привыкла такое. Давайте лучше сама как-нибудь, расскажу вам, что да как.

В общем, шьём костюмы. Если кратко. Как в ателье шьём, всякое, такое, сякое... даже не знаю, что ещё прибавить... Ну, приезжает откуда-нибудь режиссёр, привозит с собой художника, а он уже эскизы нам даёт. И не всегда художник этот понимает технологию пошива! Нарисует там такого иногда, божечки! А мы потом должны выкройку изготовить, придумать. Деменция нам не грозит, короче, всё время решаешь, что и как, а потом постоянно делишь, умножаешь циферки. Но я люблю очень работать сюда ходить. Мы тут все больные. Театром больные. Мы свою работу очень любим. Да. Да вы не стесняйтесь, спрашивайте, что интересно.

С чего началось? Сначала артисткой хотела быть, но мама говорит: профессия нужна нормальная. Иди учись накройщицу. Ну и пошла. С тех пор, вот, как-то вот так, в общем, как-то так с тех пор, да. Ну и так, в общем. Вы простите, не привыкла как-то вот людям всё рассказывать, экскурсии проводить, волнуясь чё-то...

А вот эти, смотрите, это не просто подушки для булавок и иголок, это мои талисманы - лошадка и зайчик, да. Вот это вот зайчик, он для булавок. Вот это вот - лошадка, она для иголок. Вот. Их когда-то... их мне Соня сшила. Соня - это дочь моя. Лошадку она сшила, когда училась в третьем классе, а зайца... зайца... зайца в первом, кажется. Сейчас ей 24 года. То есть этим двоим уже много лет, заметно, да? Старые они. Во-о-от. Зайцы я не знаю, столько живут или нет. Лошади, вроде, живут. А кони всё скачут и скачут, а избы горят и горят, да. Так и мы. Видите, вот, по одному глазу у них уже. Я тоже зрение теряю на такой работе, и спина, ну, это профессиональное, спина болит. Ой, что-то я вам не про то рассказываю, а вы же билеты купили.

Так вот, вот эти красивые костюмы у нас к спектаклю «С любимыми не расставайтесь». Драматург очень хороший, Володин, очень хороший драматург. И спектакль такой - про любовь, нежный. Я когда смотрю,

плачу всегда. И вы тоже посмотрите. Я сразу бабушку вспоминаю, как смотрю. Она у меня тоже рассталась с любимым. Там такая история... Давайте быстро расскажу, пока вы костюмы смотрите.

Моя Люся, бабушка то есть, она участница войны. Великой отечественной. Она тогда медсестрой была. Там у неё на войне в сорок первом это и произошло. Случилась у неё любовь, короче. Ну как, нуууу, такая любовь, вот такая! Когда трясутся все вот так вот, трясутся! Большая любовь, в общем. Которую все ждут, все хотят, кино снимают, читают книжки – в общем, вот такая случилась у нее любовь! Вот так трясло её всю! С хирургом. С хирургом этого госпиталя военно-полевого, с которым она везде кочевала.

Вот представьте: вы Люся. Вам семнадцать лет, вы юная, нежная, вы никогда ни с кем не целовались даже. Вы, прямо, зайчик этот. А тут он – конь. Красивый, высокий профессионал, тридцати лет, с изысканными руками. Пальцы ровные такие, с идеальным этим ложем ногтевым. И на руки эти мраморные лампа светит сверху яркая, как солнце. И он ими зашивает, как будто танцует. Красиво зашивает. Иголлка, нитка, пинцеты, зажимы. Шьёт. И маска на нём белоснежная, и только глаза видно, и они горят. Горят тебе. Тебе, Люся. Огнём божественной любви. Потому что он шьёт, а сердце его к тебе стремится. И ты видишь иногда другие сердца, сердца разных раненых, но они совсем не то, маленькое, кровавое, а его сердце... а его сердце ты не видишь, но ты чувствуешь его. Оно молодое, неженатое, и оно как будто твоё, и от этого полыхают щёки, и внизу живота как бы... Но ты на работе, и всю свою любовь ты вкладываешь в шов, ты шьёшь левой рукой, потому что ты левша, и твой шов, он очень, очень особенный. И твой возлюбленный так и говорит: Люся, я такого шва никогда-никогда не видел. Это самый прекрасный шов на свете! И тебе хочется плакать от таких слов. И ты готова ради его любви... Тебя трясёт вот так! Да ты вообще любой подвиг, любые трудности, ты всё, всё! Но только не своё тело, только не это. Потому что сначала свадьба. А до этого сначала победа. В общем, четыре года они каждый день, с утра до вечера возле ран, возле крови, кишков, ампутированных конечностей, костей, мечтая о том, чтобы потом, когда-нибудь потом, они и ночью, и вот этими красивыми руками... Но не будем об этом.

Конечно, они договорились, что после войны всё у них будет, всё абсолютно. И свадьба, и бурные ночи, и дети, и собака... И вот – оно! Вот уже срок пятый, Гитлер капут, союзники гонят фашистов, уже Берлин, финишная прямая. И вдруг – бомбёжка. Страшный грохот, земля разламывается под тобой, кости разлетаются на осколки, вой, стон, ад, кишки на деревьях. Люся ранена. Хаос, страх, потерянное сознание, госпиталь, чужие люди вокруг. Она очнулась. Где он? О возлюбленный мой, свет моих очей, огонь моих чресел, где ты? Ваня, где Ваня? Ей говорят – погиб. Погиб он. Нет его. Она рыдает. Ей говорят: дура, зачем ревёшь, мы победили, всё, конец войне. Ты понимаешь? Конец этому аду! Всё! Мир! Спокойная жизнь! Жизнь!

Жизнь, а не смерть. А ты тут сопли распустила. Что она могла сделать?

И вот она в Куйбышеве, уже врач, уже хирург сама. Ну, вышла замуж, а что делать, мужчин мало, а тут влюбился один, ходит, ходит, вроде, нормальный парень. В общем, вышла. И даже двое детей родилось.

И тут наступило 7 июня 1952 года. Что произошло в этот день, кто помнит? Какие варианты? Да, была в разгаре война в Корее, ещё. Олимпиада в Хельсинки, и мы там впервые выступаем, Америка выиграла. Английская королева села на трон, 25 лет ей всего, кстати. Платья из крепдешина вошли в моду. А Люся достала из почтового ящика письмо.

Вернее, не так – муж Люси приносит письмо: мол, вот тебе, Люська, какой-то конверт пришёл. От какой-то Риченко. А Риченко – это была фамилия того хирурга, Ивана. Люся окаменела сразу. И не моргает даже. Он: эй, Люсь, что такое, что ты? Из-а письма? Почему? Однополчанка твоя? Она: да, однополчанка. Открывает она конверт. И муж ей: читай вслух. И она читает. Вслух. Вот оно, есть у меня. Плохо видеть стала, можете помочь? Прочитаете вслух?

«Дорогая Люся! Пишет тебе твоя подруга Ира Риченко! Давно не получала от тебя известий. Как ты живёшь, моя подруга боевая? Я устроилась в Свердловске в госпиталь, получка небольшая, но обещают повышение. Мой супруг работает на заводе, часто в ночную смену. Дочка ходит в школу. На Новый год подарили ей санки, а супруг мне подарил чулки! Так что живём хорошо, соседи по бараку терпимые люди, только одна таскает у нас уголь, но мы её изловим и пожалуемся в профком. По выходным смотрим картины в кинотеатре».

На самом деле это письмо Люся выдумала. Дайте мне его, порву. Оно фальшивое. Она сочинила его экспромтом. А настоящее письмо потом сожгла. Но выучила наизусть сначала. И там было написано:

«Здравствуй, товарищ Люся! Я вернулся в родной Железноводск. Заведую хирургическим отделением в областной больнице. У меня две комнаты. Пока один. Мои все погибли во время оккупации в 42-м».

И другие слова. И в сухом остатке: люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя. Искал тебя. Мне сказали, погибла. Тосковал. Во сне видел. Приходит на приём пациент. Свежий шов. Твой шов. Твой, на другую сторону, красивый, самый красивый в мире, только ты так можешь. Спрашиваю: где ногушили? Он говорит: в Куйбышеве. Хирург-женщина. И я нашёл тебя. И даже домашний адрес. Знаю, замужем. Всё можно изменить. Люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя.

И тут она грохнулась в обморок. Прочитала – в обморок бац! И пока она лежала, заглянул её муж в настоящее письмо или нет, неизвестно. Вы как думаете? Поднимите руки, кто считает, что муж

всё узнал. Так, интересно. Но он молчал. Всю жизнь молчал. И Свердловск ненавидел.

А Люся, ну что Люся. Люся – зайчик. У зайчика была лошадка. И она ускакала. Она далеко. А зайчик что, он же слабый. Он же послушный. Он же хороший. У него долг. Зайчик маленький, но долг большой. Люся не ответила на это письмо. И никогда больше не встречала Ивана Риченко. И никогда больше никого не любила, а только работала-работала-работала.

Ой, что-то я отвлеклась. Мы же с вами костюмы смотрели. Спектакль «С любимыми не расставайтесь», хороший спектакль. Драматург хороший, Володин. Светлый, добрый. Так не пишут теперь. Вся эта современная драматургия.. Ну, не будем. Что там у нас по плану. А, да: мы в пошивочном цехе прикладываем всю свою фантазию, всё свое творчество, и создаем великолепные шедевры. Ну, вы, спрашивайте, спрашивайте. Любимая ткань? Шерсть. Что угодно можно из неё соорудить, не то что из шифона. Что шифон? Он как лошадка – ускакал, и нет его, и всё, дунул на него – и нет. А шерсть она тут, лежит, не шевелится, режь её, шей, шерсть послушная, не бунтует.

Мама моя, Оля, сшила как-то себе в ателье платье из шифона. На свадьбу. Шикарное такое, из белоснежного шифона. Вот такое какое-то, покажу вам. Да же? Очень, да? Положила в чемодан, надела мини цвета ультрамарин и полетела на свадьбу. К себе на свадьбу. На самолёте, да, из Петропавловска-Камчатского в Самару, тогда это был Куйбышев. Ей двадцать один, жениху двадцать четыре, он перспективный баскетболист, красавчик, она будущий экономист, они любят друг друга. И вот, завтра они поженятся, представьте. Зайчик и лошадка навсегда соединятся, в печали и радости, в болезни и здравии, ну вы поняли, короче.

А познакомились они в автобусе. В Икарусе. Такой длинный с гармошкой посередине автобус. И они как раз оба в резиновой середине этой ехали. Она в мини, и ноги от ушей, он высоченный, красивый. И их кружило. Кружило, кружило. И ей захотелось шагнуть к нему, чтобы он обнял её. И он тоже захотел обнять её. И всё завертелось! Завертелось, завертелось, заверте.. И вот, он говорит: прилетай ко мне, поженемся.

И она прилетела. Она и так летала, в переносном смысле, и вот она прилетела. В прямом. И в белые цветы нырнула. Он ей – букет. Она в лепестки лицом. У него блеск в глазах, у неё блеск в глазах, голубое небо, солнце, белый самолёт, кафешка в аэропорту, она в модных туфлях на толстой подошве, вокруг люди в одежде с психоделическими узорами, тогда было можно, мир вибрирует, бабочки в животе, крылышками бяк-бяк-бяк. И песня Ободзинского откуда-то – «Эти глаза напротив, калейдоскоп огней, эти глаза напротив ярче и всё теплее, чайного цвееееета, эти глаза напротив...»

Они прыгают в такси и мчат к его родителям. Целуются в такси. Водитель деликатно не смотрит в зеркало заднего вида. Цветут деревья, швыряются лепестками, ветер обдувает высунутую из машины ладонь. Весь мир в твоей ладони, весь мир.

Они забегают в квартиру к его родителям. А там...

Ну вот, что там, как думаете? А? Какие варианты у кого, а? Ну? Мужчина, что думаете?

А там какая-то девушка. И у родителей его лица такие, ну... такие длинные лица. Шерстяные, серые. Как из спектакля по Достоевскому. И жених вдруг тоже посерел как-то, уменьшился. Был баскетболист, а стал какой-то мелкий, щуплый, как жоккей. В общем, свадьбу отменили. Оказалось, он накануне переспал с этой девушкой, и вот она пришла сказать, что беременная. Ну, тогда не проверяли. Может, просто замуж хотела, кто её знает. Он-то красавчик, перспективный. Но он... тоже хорош - переспал, изменил - это же такое... Оля в шоке, в общем. Ну представьте, вы Оля. Вам тут Ободзинский как будто пел, лепестками сыпал, мир в руку засовывал, и вдруг такое.

В общем, она то платье шифоновое достала из чемодана и на клочки порезала. Но фотографию своего жениха, баскетболиста этого неверного, не порвала. Сохранила. Всю жизнь фоточка эта стояла у нас в серванте, я помню, да. Оля позже вышла замуж за моего папу. Папа хотел уже остепениться, и чтобы кто-то стирал ему носки, ему уже тридцать шесть. А ей тоже уже прилично было к тому моменту, целых двадцать шесть, её все задолбали: старая дева, старая дева. Ну и вышла.

И вот 8 марта 1979 года Оля медленно поднимается по лестнице, уже не в мини, а в коричневой шестиклинке, под ней теплые рейтузы, сверху всего этого тяжёлое пальто, конечно же. Сзади тащит коляску с годовалым младенцем её муж, юрист, приличный человек. В коляске я, муж - это мой отец. Механически Оля проверяет почтовый ящик. Письмо. Письмо? Письмо! Вот, смотрите, читайте, вот оно!

«Дорогая Оля! Я тебя нашел. Как у тебя дела? Я теперь военный. И приеду в отпуск в Куйбышев летом. Очень хочу тебя увидеть».

И что Оля? Оля летит через две ступеньки вверх как гепард, вопреки силе притяжения тяжёлого драпового советского пальто. Оля рвёт письмо в мелкие клочки, бросает их в хрустальную пепельницу, поджигает. Пепел в окно - одним движением. Оля прикуривает сигарету и делает несколько затяжек, тушит сигарету. И через три месяца Оля, вся в легчайшем весеннем крепдешине, впархивает в аэропорт Курумоч. Вы скажете - фу, какое странное слово - ку-ру-моч. А я скажу - если вы на месте Оли, все слова становятся как бабочки. Легкие и прекрасные.

Но наступает зима, бабочки вянут, бабочки улетают, у бабочек другая жизнь, другая семья, и вообще, эта встреча ничего не меняет. Ничего не меняет? Серьёзно? Ничего не меняет?

Оля боялась мужа, он юрист, приличный человек. Но фотографию своего баскетболиста-военного поставила под стекло. И муж видел её любовь каждый день, там, под стеклом.

Вот что он думал, как считаете? Какие варианты? Что чувствовал, зная, что жена вот такое хранит, и все видят, и все спрашивают? И был случай, когда она пропала на несколько лет, якобы, навещая больную тётю?

И папа - папа переключился на детей. Он воспитывал нас.

Вова, мой брат, и я - мы хорошо воспитаны. Мы очень воспитанные дети. Папа постарался. Он применял интересные приёмы, можно сказать, творческие. Например, периодически пытался отправить Вову в детдом. На перевоспитание. Дело в том, что Вова иногда что-нибудь пытался стащить. Это был его, наверное, единственный недостаток. И вот когда кто-нибудь жаловался, что ваш мальчик у нас забрал скульптуру медного всадника, папа отправлял Вову в детдом.

Выглядело это так. «Ты знаешь, как называются такие люди как ты? Они называются воры! Преступники, бандиты, зеки, уголовники, мусор!» - «Папа, я слышал, мусором называют милиционера» - «Молчать! Гадёныш! Недобиток! У тебя есть целая мать! У меня её не было. И ты не знаешь, что такое ночевать на улице, когда тебя выгнала мачеха! Но когда я ночевал на улицах, как собака, я никогда! Слышишь, никогда! Ничего не украл! Я был честным беспризорником, можно сказать, человеком в трудных обстоятельствах, а не таким аферюгой, как ты! Ты уже когда родился, своровал у акушеров какой-нибудь скальпель, я уверен!» - «Нет, не брал» - «Заткнись! И раз тебя пока в силу возраста не берут в тюрьму, где тебе самое место, то иди в детдом» - «Нет, папа, нет! Я больше так не буду!»

Тут Вова прятался под кровать, как нашкодивший котёнок. Папа пытался вытащить его оттуда, это было непросто. Тогда папа отправлял маму, чтобы она выманила Вову лаской. Она выманивала. Наступала стадия сборов чемодана в детдом. Вове разрешали взять кое-что из белья и игрушек. Мама натягивала на тощие Вовины ножки хб-колготки, потом штаны потеплее. Шапка, пальто. «Всё, жди меня на лестнице». За Вовой захлапывали дверь. Несколько часов Вова ждал папу в подъезде у батареи. Затем ему милостиво разрешали вернуться. И через некоторое время всё повторялось снова. И каждый раз Вова верил, что в этот раз его всё же, наконец, доведут до детдома. Но ему каждый раз везло.

Видите, у меня тут конфеты. Вкусные, угощайтесь. Кому конфетку? Хорошие, свежие, вчера брала. Пожалуйста, угощайтесь. Раньше очень

любила изюм. Всякий, и черный, и белый, и крупный, и мелкий, и янтарный такой, вообще обожала. Но нам почему-то папа разрешал только по шепотке изюма в день. И я решила брать без спросу. По чуть-чуть, конечно. Но несколько раз в день. А мама... А мама это обнаружила, рассказала отцу. Почему ему, мама? У тебя же был твой собеседник под стеклом.

«Дорогой мой возлюбленный! Сегодня мой муж воспитывал нашу дочь. Он высыпал килограмм изюма в большое блюдо и велел ей всё съесть. «Жри», сказал он. Фу, такой грубый, ты бы так никогда не сказал. Она ела, ела. Потом она упала со стула, как будто потеряла сознание, приворядась, наверное. Её вырвало. Ну зато не будет больше врать. Врать – плохо, да? Получается, и ты мне соврал?»

Да, так и было. Он заставил меня есть этот изюм, пока мне не стало плохо. Я не притворялась. И эти случаи, когда надо было нас воспитывать, они не кончались, нет. Ну вы понимаете. То двойка, то порванные колготки, то забыла кружку помыть. Тяжело быть отцом. Я видела там трещину на асфальте внизу. Я висела вниз головой и видела трещину на асфальте. Мой папа держала меня за ноги, он высунул меня из окна квартиры прямо на улицу и тряс, как игрушку. Четыре этажа внизу, мы на пятом, трещина на асфальте. Я думала: трещина – это потому что кто-то падал и разбивал бетон головой. Где была мама, я не помню.

И голова брата Вовы, она билась об пол. Папа стучал Вовиной головой об пол. Что-то Вова сделал, я пожаловалась, и теперь Вовина голова разбивает пол. По полу идет трещина и разрывает квартиру на части. Мне стыдно. Я никогда больше не пожалуюсь, Вова! Папа прыгает на Вовином дипломате, папа ломает его, Вова плачет. Вова наказан таким образом. За что? Так много причин – невымытая кружка, двойка, порванные колготки, медный всадник.

Сейчас Вова работает дальнобойщиком, объездил весь мир. Когда я спрашиваю его он нашем детстве, что-то мелькает в его глазах, он открывает рот, но тут... «У меня было самое счастливое детство!» – «Вов, а что ты думаешь о нашем отце?» – «У меня был самый лучший отец!» – «Вов, а за что ты его любишь?» – «Он... он... он... Я видел Тихий океан, я жил на Камчатке.» – «Вов, ну это понятно, а папа чем тебе так нравился? Ты что не помнишь, как он...» – «Я... Я видел Тихий океан, я жил на Камчатке!» – «Вов...» – «Я видел Тихий океан, я жил на Камчатке!»

А мама, спросите вы. Где была мама? Я не помню.

Мама стала сообщницей, его сообщницей, я даже перестала её обнимать. Папу я вообще никогда не хотела обнимать, конечно. Но так хотелось обниматься! Я тискала свои мягкие игрушки, но это не то. И вот однажды. Однажды к нам в гости пришёл друг моего отца. Я, естественно, должна была поздороваться и уйти, не мешать взрослым. Но не ушла. Потому что он обнял меня, этот незнакомый человек. Обнял меня так, как моя мама обнималась со своим

баскетболистом. Он подхватил меня на руки и побросил вверх. И я взлетела, потом опустилась на его грудь как бабочка, повисла на его шее, и не разжимала руки весь оставшийся вечер.

«Марианночка пойдёт в свою комнату играть» – это папа. Фальшиво звучит, да? Не пошла. Льнула к его бордовому свитеру, чистая шерсть, приятный аромат парфюма, чувствовала себя такой защищённой! Он стал моим идеальным отцом, таким, каким должен быть отец, понимаете? Когда он уехал, я стала сиротой, даже не ела несколько дней от тоски. И снова перестала обниматься. И много-много лет не обнимала никого.

А мама... Ну что мама. Мама хотела обниматься со своим баскетболистом-военным. И однажды он снова пришел. Он пришёл, позвал. Не могу без тебя, говорит. Все эти годы. Я развёлся. Давай исправим ошибку. И зайчик... правильно! Зайчик остался со своим долгом. Со своей слабостью. Со своей трусостью. Зайчик сказал: нет. Лошадка снова ускакала. У зайчика был крепкий брак, двадцать два года вместе, но потом, слава богу, дал трещину. Да, та самая трещина. Наш садист ушел к другой. И вот теперь Оле за семьдесят, и она... она по-прежнему разговаривает с фотографией.

Ой, вы извините меня, мне как-то просто непривычно – ну, экскурсии эти все. Я же мастер пошивочного цеха, шью, шью, рассказывать не привыкла. И вот, видите, сбиваюсь немного в сторону. Сейчас, секунду. Итак, дорогие гости... Мастерству работниц швейного цеха может позавидовать даже модный дом: с ювелирной точностью выполняется отделка нарядов, с невероятной филигранностью подбираются тона костюмов... Ой, я же говорила это уже, да? А вот давайте я вам покажу костюмы к спектаклю «Мать» по Максиму Горькому. Максим Горький – хороший драматург. Ибсен, Эсхил и Горький – их уважаю. И Володин хороший драматург. Цветовая гамма сдержанная. Фасоны минималистичные. Шерсть.

А раньше я шерсть не очень. Ну, не очень. Джинсы любила. Чтобы всякая такая рванина, колокольчики вот тут, по бокам, дзынь-дзынь, и чтобы клёш. И мама мне ушила свои клёши, и я их носила. Какая талия тогда была, эх! И вот, мужская клетчатая рубаша, рукава закатаны, кожаный ремень, руки по локоть в бисере, и пончо. Да, вязаное пончо, с индейским рисунком и бахромой! И растаманский берет! Сама вязала, целую гору навязала, у меня так и спрашивали: девушка, вы художница? Да, говорю, конечно, не видно что ли?

Его звали Лёша. Кудрявый музыкант, книжки читал и смешно шутил. Что ещё надо для счастья? А, да, длинный чёрный плащ нараспашку, гитара за спиной, глаза полуприкрыты. Боже! А главное – у него был изъян. Иъян, понимаете? Мне же после моего детства было невозможно с ними, нормальными, которых за ногу с пятого этажа не высывали.

И вот мы все на Бирже, это место такое в Оренбурге, где все собирались, и, там, песни, книжки, пластинки, кассеты, сигареты. И

я им люблюсь. И вот однажды – его нет. Где Яхонтов? Где Лёша? Где гитара? А мне говорят: гитару ломает. Ничего не поняла сначала.

А потом... Пришла в наркодиспансер. Лёша очень удивился. Свитер под горло, а улице плюс сорок. Руки в гнойных шанкрах. Глаза грустные. И стихи свои читает:

Зеленый холм
И роза на холме
Кровавым знойным
озаряет светом
Все то, что было мертво и спокойно.
Что будет дальше?
Даже я не знаю.
А жаль.

Ну вы поняли, да? Я, конечно же, давай его спасать! Через всякие свои знакомства устроила его в крутую группу гитаристом. Считаю, городские звёзды наши, профи, концерты, гастроли, визжащие поклонницы, весь набор! Только, говорю, без наркотиков, пожалуйста. И он воспрял. Бросил. Он был так счастлив!

Любила – страшно! Страшно его любила. Тряслась вся вот так! И вот он в огненной рубашке с острым воротником, такой в стиле семидесятых, у отца, видно взял, на сцене, и внизу – поклонницы и поклонники, море рук! И он в микрофон: «Вот девушка моя любимая стоит! Спасла мне жизнь, и смысл обнаружила! Марианна, выходи за меня!» Что вы думаете, я ответила? Конечно. Несколько сотен людей меня прожигали глазами, и там – зависть, любовь, там всё! Свадьбу назначили.

И вот мы с ним, уже жених и невеста, катаемся на горных лыжах, чтобы ему было нескучно, чтобы адреналин, чтобы про наркотики и не вспомил. Лёша красив как бог, я в коралловом комбезе. Только вот он почему-то с какими-то девицами болтает и болтает. Эй, Лёш, поехали? А он болтает. Ну ладно, я же не какая-то там ревнивая колхозница, я же – спасительница его. Он же теперь по гроб жизни, ну вы поняли. Короче, поехала на гору одна. Ну а дальше...

Вы простите, что я тут смеюсь, вспомнила, что была всех цветов радуги. Ну потом, уже в больнице. Прогнозы: будем надеяться. Руки, ноги подвешены мои. Вся в гипсе. Рёбра сломаны. Лицо разноцветное. Вот такое. *(Рисует на лице)* Вся белая, как зайчик, из-за гипса, а лицо разноцветное. И приходит мой жених. С цветами. Мне цветы взять нечем. Кладёт сверху.

«Марианночка, как ты?». «Я отлично, любимый, могу шевелить. Глазами». «Всё будет хорошо». Постучал по гипсу. И растворился. Исчез. Ускакал конь мой вороной. От вас кто-нибудь скакал прочь? Было такое? Понимаете меня? Значит, вы тоже были в шкуре зайчика. В этой пушистой беленькой шкурке. А хотите, отмотаем время назад?

И вы попробуете уговорить его остаться? Хотите? Ну вдруг у вас получится. Вдруг.

Вот, ложитесь здесь. Давайте, ну. Его Лёша звали. Давайте, говорите ему, я за него как бы, лошадка я.

В общем, Лёша ускакал, закончил музучилище и тем же летом укатил в Питер с какой-то девицей. А я постепенно выздоровела. И вышла замуж за кого-то. Родила дочку - Соню. Соню, которая подарила мне этих двух, зайчика и лошадку.

Что-то мы опять куда-то отклонились, да? У нас же экскурсия с вами, товарищи дорогие. Итак, вы в пошивочном цехе, где изготавливают костюмы для спектаклей. Мастерству работниц швейного цеха может позавидовать даже модный дом: с ювелирной точностью выполняется отделка нарядов, с невероятной филигранностью подбираются тона костюмов... Ой, я же это рассказывала, да? Рассказать вам про Соню? У нас и время уже вышло, зачем я тут про Соню.

Давайте я вам лучше расскажу про спектакль «Мастер и Маргарита». Я так люблю этот роман. Прямо, трясусь вся! Одно время читала по кругу, заканчиваю - и снова с начала. И конечно, после такого спектакль воспринимать сложно, у тебя свой Воланд, и Коровьев, и Мастер, и Маргарита. Но когда мне принесли эскизы костюмов... Это были мои, мои родные герои. Как будто костюм учитывает коровьевскую ухмылку, и глобус Воланда, и то как Маргарита выбрасывает цветы, и колокол перед балом. Так много чуда! И то, как Мастер любил Маргариту...

Соня родилась в четыре утра. Родинка с форме сердечка на левой ладонке. Всех девочек тогда называли Танями, потому что День Татьяны. А я, вот, Соней. Она не кричала и не плакала. Вообще. Она спала, кушала, а я меняла подгузники, все стирала и гладила с двух сторон, как положено. Я не уходила в декрет. Отдала Соню маме, и вышла на работу. В театр. И так она у мамы и осталась. Но иногда я забирала её. Зима. Утро. Мы проспали детский сад. «Давай, Сон, давай, родная, напяливай!» Сон - так её называла. Мы одеваемся. Выходим из квартиры. Закрываем дверь. Идем к лифту. Я как припадочная жму на кнопку. Взгляд вниз - маленькие Сонины ножки. В двух шерстяных носках. «А валенки где?» «Дома, мамочка». «Что же ты не сказала?» «Мамочка, раз ты забыла, значит так надо».

Она выговаривала все буквы. И говорила хорошо, не коверкала слова. Одно только слово «ИСПАКЧИЛА» говорила лет до восьми. Она любила носить юбки.

Как-то я поехала в магазин за учебниками к школе. И привезла целую гору. «Мам, это учебники за третий класс». «Ну? И?» «А я в шестом». Как мы тогда смеялись! Все - мама, Соня, я, и даже продавщица, когда я принесла ей эти учебники назад.

Она сдала ЕГЭ на сто баллов. Все три. В затрапезной самарской школе! Такое вообще впервые было в истории нашего района. Но у неё была одна четверка, по геометрии, кажется. «Это моя реальная оценка» – и не стала выпрашивать пять. «Но тогда медали не будет» – мы ей говорим. Но Соня закрыла тему. И вот она стоит на сцене, торжественная музыка. Плывут в бальных платьях и смокингах медалисты, им вручают медали, яростно аплодируют. Она стоит в сторонке, в глазах слезы. «Идите домой, я позже вернусь». Она плакала где-то, где нет никого.

«Мамочка! Сегодня наступает Новый Пол-Год 2015! И в этом новом полгоде я желаю осуществить намеченные планы и запланировать новые; получить много незабываемых впечатлений; испытать море положительных эмоций; реализовать себя во всех начинаниях и жить жизнью полной твоего счастья! Я тебя очень люблю и всегда буду! Сон. 15.07.2015»

И вот ей двадцать четыре. Любит сирень, ест фастфуд, носит огромный шарф-одеяло, знает в совершенстве четыре языка, совсем не улыбается и не обнимается. Презирает врунов-политиков, ксенофобов и меня.

Да, меня.

Она не разговаривает со мной четыре года.

«Я не хочу быть похожей на тебя. Ты последний человек в моей жизни. У меня никогда не будет детей. А если будут, ты их не увидишь. Ты меня сделала самым несчастным человеком. Потому что я не могу ни с кем дружить. Потому что боюсь предательства».

(Пауза)

Деменция нам не грозит, короче, всё время решаешь, что и как, а потом постоянно делишь, умножаешь циферки. Но я люблю очень работать сюда ходить. Мы тут все больные. Театром больные. Мы свою работу очень любим.

Остались мне от неё только эти двое. Смотрите, это не просто подушки для булавок и иголок, это мои талисманы – лошадка и зайчик, да. Вот это вот зайчик, он для булавок. Вот это вот – лошадка, она для иголок. Вот. Их когда-то... их мне Соня сшила.

Марианна вынимает иглы и булавки из зайчика и лошадки.

«Маргарита шла с Мастером по направлению к вечному их дому, и Мастеру казалось, что слова Маргариты струятся, как ручей. И память Мастера, беспокойная, исколотая иглами память, стала потухать...» Беспокойная, исколотая иглами память. Исколотая иглами. Исколотая иглами.

Я просто хочу, чтобы они были вместе. Просто вместе, добровольно, как Мастер и Маргарита. И я просто хочу, чтобы Зайчик мог обнять Лошадку. Я даже сшила эти костюмы. Костюмы для обнимания. Сейчас.

Марианна выходит в костюме Зайчика и выносит большой костюм Лошадки.

Кто-нибудь хочет побыть Лошадкой?

Зайчик обнимается с Лошадкой.

КОНЕЦ